

Настоящая публикация представляет собой часть записей, которые велись в течение нескольких лет, и особенно интенсивно в пору работы с Леонидом Максимовичем над десяти-томным собранием его сочинений, которое было выпущено издательством «Художественная литература» в 1981—1984 годах. Так как беседы с Леонидом воспроизводятся в основном, к сожалению, по памяти, в передаче их возможны приближенные формулировки, ответственность за которые, естественно, несу я.

АВТОР

этом в своем фильме¹, — за- претил мне издавать повесть «Унтиловск», — вспоминал Ле- онов. — Говорил, что это нехо- рошо, ни к чему. И я послу- шался. После, как-то на даче, в Барвихе, в крестьянской хате, я писал «Соть». Окно открыто. Берег, заросший кустами и ле- сом. Москва-река видна. Пол-

равным, а затем пригласил в 1927 году на Капри.

«Я приехал к Горькому. В Сорренто. Были, конечно, вол- нения: в Италии дуче, фашизм». От Рима Леоновы ехали в по- езде: вошли в купе, а там фа- шист в черной рубашке. Заго- ворил с ними. Леонид Макси- мович пытался на французском

— размышлял Леонид Макси- мович в частном разговоре. — Не только злые люди помогли. Но я сам сделал оплошность. И не одну. Горький был очень захвачен «Вором». В 1931 году, в Сорренто, мы шли с ним в гору, к лимонной роще. Горь- кий сказал мне: «В сущности, я всего лишь публицист...» Воз- можно, мне нужно было возра- зить на его слова. Но я про- молчал...»

«Неизвестно, — думал вслух Леонов, — что сохранится. Что переживет? В какой степени огненосная эпоха, эхо эпохи отразилось в моих книгах. Есть ли в них хотя бы разгад- ка каких-то движущих пружи- нах, поезд, а основа простая — взрывается в механизме, сту- кает двигатель. Основное — во взрывчатом механизме ре- волюции. И, конечно, нельзя ничего скрывать, умалчивать. А мы порой скрываем, умалчива- ем о самом главном. Почему?..»

4. За всеми давними пси- хологически сложными эпизодами, неоднозначными встречами, драматическими поворотами в рассказах Лео- нова лейтмотивом проходит его уважение и даже нежность к Горькому — и к чело- веку Алексею Максимовичу Пешкову, и к замечательному писателю, носителю осо- бой, горькой и целитель- ной правды. «Все книги Горь- кого, — заметил он, — и впрямь отменно горьковаты для ума, и не в том ли состоя- ла их животворная гормональ- ная сила?»

Грандиозная фигура Горько- го воспринимается Леоновым неотрывно от эпохальных со- бытий революции — «великого плана генеральной перепашки всей жизни, причем именно Горький как бы брал на себя подготовку кадров для гря- дущего».

5. Именно культура, тыся- челетний духовно-нрав- ственный опыт наших предков, по выражению Леонова, служит человечеству надеж- ным талисманом от всяких возможных и уже грозя- щих ему несчастий. Здесь возникает вопрос о преем- ственности в эстафетности ве- щного слова. Леоновские суж- дения о своих предшественни- ках помогают заглянуть в твор- ческую лабораторию писателя. Для него классики — это веч- ные ориентиры на пути к звез- дам. Недаром Леонов заметил в одной из своих бесед, что «начинающий литератор прохо- дит под арками всех великих писателей, с которыми сталки- вает его жизнь, и вырабатывает свою систему». Как раз их имел в виду писатель, упоми- ная о классическом наследст- ве, в соотношении с которым он строит свой художественный и духовный мир.

В формировании леоновской художественной системы, по его собственному признанию, особое значение представляет традиция Достоевского.

Все это Леонов не раз разъ- яснял в беседах и интервью, помогающих понять существен- ные черты его эстетики. Впро- чем, учитывая крайнюю остро- жность Леонова в оценке классической и современной литературы, нам представляется, что весьма во многих жур- нальных интервью с ним, напи- санных с маху и без поправок, некоторые мысли и в первую очередь оценки писателя пере- даны с очевидными искаже- ниями. Но стоит внимать в ис- тинный смысл, просвещаю- щий сквозь небрежно внесен- ные наслоения:

«Что особенно близко мне в Достоевском? У Бунина — вир- туозное искусство описания, но, как правило, без мыслительной фигуры. Это как икебана: цве-



Фото В. ШАГОВА

Олег Михайлов

РАЗГОВОР с Леонидом ЛЕОНОВЫМ

1. «Чернила стоят столь- ко же, сколько кровь мученика», — напомнил од- нажды Леонид Максимович из- речение арабского поэта.

Творчество, муки творче- ства, отношение к писательскому труду, ответственность за ин- струмент своего искусства — слово. Вот главная тема, к ко- торой так или иначе по раз- ным поводам возвращался Л. Леонов.

Иногда в изломе фразы вдруг загорался отблеск эпо- хи — сурового отошедшего времени. Рассказ переключал- ся на положение писателя в двадцатые годы, на знаме- нательные встречи с Горьким, на ожесточенную литературную борьбу и недобросовестную критику. Голографически объ- емно высвечивались историче- ские лица самого высокого об- щественного ранга, звучали их реплики, при своей почти ла- тинской краткости способные круто изменить или даже сло- мать литературную судьбу.

И — как целительное ле- карство, как высшее оправда- ние жизни, обретение ее глу- бинного смысла — вновь лейт- мотивом возникала мысль о труде, творчестве, бессонном адхонении, изнурительной борьбе со словом. Главное, по Леонову, работа до забвения себя — пусть в самых неблагоприятных бытовых условиях или в трудном психологиче- ском климате...

Здесь затрагивался не раз вопрос о ценности наставни- чества.

«Мне везло на стариков, — сказал как-то Леонов. — Остроу- хов, Станиславский, Фали- леев, Немирович-Данченко, Горький», Леонид Максимович вспомнил о замечательном ху- дожнике и графике Кардов- ском:

«Ходили в баню. В моем банном альбоме есть его ри- сунки. Дмитрий Николаевич был душевный человек. Толь- ко теперь видно, как мало це- нились такие встречи. «Что имеем — не храним...» Он иллюстрировал мою «Соть», надписал: «Другу, приятелю...» А мне было двадцать девять — тридцать один год, ему — за шестьдесят. Кардовский был левша. После инсульта у него отнялась левая рука. Ра- ботать нельзя. Я пришел. Он говорит: «Я художник!» И за- плакал...»

Как-то я спросил у Леонида Максимовича, были ли у него друзья среди сверстников, пи- сателей его поколения. «Дру- зья? — переспросил он. — Нет. Были хорошие отношения. Например, с Фединым и его женой. Но творчески мы оста- вались очень далеки друг от друга».

И снова вспомнил о плеяде старших, о начале своего писательства.

«Я никогда палец о палец не ударил ради славы. Ни од- ному театру, ни одному изда- тельству не предлагал ничего... Как создавались первые ве- щии? — вспоминал он. — Кон- чилась гражданская война. Москва. Разруха, голод, тесно- та. Я поселился у слесаря, ко- торый с началом зноа открыл маленькую частную мастер- скую. За стол и угол я рабо- тал у него — паял, чинил при- мусы. А по ночам писал. Сто- ла у меня не было, и я сочи- нял, сидя на кровати и поло- жив на колени кусок фанеры...

Затем меня приютили худо- жники — супруги Фалилеевы. Наследники потом прислали мне акварель Фалилеевой: мо- лодой Леонов за работой. Эта акварель висит в моей мос- ковской квартире. Очень по- хоже. Хозяин отгородил мне угол. С буржуи стечал чер- ный сок, вроде туши. Я сцези- вал и им переписывал свои ве- щии, делал рисунки и все скла- дывал в стопку. Собралось че- тыре рассказа. Два из них, кстати, я никогда не печатал и печатать не буду. Оба с чертя- ми, с сумасшедшинкой. Но это незрелые вещи...

Фалилеев однажды сказал: «Ленечка! Почитай бы, что пи- шете». Я ответил: «Позовите кого-нибудь — художников, ли- тераторов». Собралось человек тридцать. Это было на Большой Якиманке, в доме, на месте ко- торого сейчас магазин «Худо- жник». Среди слушателей — гра- вер Алексей Ильич Кравченко, график Иван Никанорович Пав- лов, Илья Семенович Остроу- хов. После чтения ко мне по- дошел издатель «Шиповника» Копельман и предложил выпу- стить книгу. А следом — Миха- ил Васильевич Сабашников. До этого сам я не приносил нико- му ничего...»

Старики давали пример отношения к труду.

«Надо научиться писать мел- ко, — заметил Леонов. — Был такой исторический бата- лист, старик немец Виллевал- де. Он создавал необычайно подробные полотна. Его спро- сили: «Почему так мелочен?» Он объяснил: «Это было од- нажды. Я писал картину, когда пришел государь-император (Николай I). «Богдан Павлович! Что это за сражение?» — «Кульмская битва». — «Это ка- кой полк?» — «Семеновский, ваше величество». — «А этот?» — «Преображенский». — «Ну, а там, на горизонте?» — «Измай- ловский». — «Не узнаю моих измайловцев!» Я, — рассказывал Виллевалде, — переписал карти- ну и сделал так, что все можно было рассмотреть. Так я на- учился писать мелко».

Старики звали к высшей требовательности.

Остроухов, — я сказал об

день роскошный. Я пишу хоро- шо, смешное место. В деревне засуха. Надо бы отслужить мо- лебен. Нашли «левого» ба- тюшку. К нему: «Тучи нужны, дождь. Бога испроси, чтоб да- ровал...». Он украдкой в овра- ге отслужил молебен. И вдруг пошел дождь. Бесконечный. Все стало преть, гнить...

И я стал думать, что скажет об этом Остроухов. Скорее всего опять: «Зачем все это? Нехорошо!» Внезапно слышу шум. Приехала мать: «Остроу- хов умер». И я ушел в кусты, думал: никто уже не одернет. Я уже вырос. А как хорошо быть мальчишкой! Я — маль- чиска, и все улыбаются: люди, деревья, кусты, трава...

2. Поездки в Сорренто, встречи с Горьким и его образ, магия его имени и ав- торитета — все это сопровож- дало многие устные рассказы.

Леонид Максимович с огром- ной благодарностью говорил о той поддержке, какую оказы- вал ему в течение ряда лет Горький, о высокой оценке ранней прозы романов «Барсу- ки», «Вор», «Соть». Горький, по его словам, долгие годы опре- делял уровень советской литературы, и литература не могла, хотя бы снизу, не при- мериваться к нему. Как дань высочайшей признательности за эту врачующую роль прозвуч- али на Первом Всесоюзном съезде писателей слова Лео- нова. Через тридцать че- тыре года в блистатель- ном «Венке А. М. Горько- му» Леонов — уже в усто- явшейся исторической перспек- тиве — возвращается к образу великого пролетарского писате- ля, который на стыке двух ве- ков возникает в триаде: Лев Толстой, Чехов, Горький.

Горький в восприятии Лео- нова — Иван Калита совет- ской литературы. Чуткий ко всему новому, он заметил мо- лодого писателя, заговорил с ним в переплет как равный с

¹ Речь идет о телефильме о Л. Леонове, который был показан по первой программе Все- союзного телевидения в мае 1985 года.

языке объяснить цель поездки. Чернорубашечник все время переспрашивал: «Вы едете в Сицилию?» — «Нет, в Неаполь». Оказывается, в Сицилии нахо- дился лагерь антифашистов, и чернорубашечник был уверен, что русские едут туда.

«Было жарко, — вспоминал Леонид Максимович, — хоте- лось пить, но денег не было. Не на что было купить даже лимонаду... И все было впе- редь. Вот самый счастливый день моей жизни. Мне только испол- нилось двадцать восемь лет. Уже был написан «Вор». Впе- редь осенью во МХАТе — «Унтиловск», который ставил Станиславский. Я недавно же- нился...

Горький встретил нас. Облас- кал. Такие вещи говорил. И когда мы потом заблудились и неделю отсутствовали, искал нас, нашел, прислал телеграм- му: «Беспокоюсь, где вы поте- рялись...»

Впереди, казалось, был це- лый карман времени...»

Всю оставшуюся жизнь, говорил Леонид Максимович, хотелось заполнить чем-то желанным — думал всевоз- заняться ботаникой, мечтал о Гималаях, о бразильских лесах. Не удалось. Вместо этого — тяжкий каждодневный труд: «Скутаревский», «Дорога на Океан»...

Как известно, об этой встре- че с Горьким Леонов кратко написал в своем очерке 1927 года, который заканчивался знаменательными словами:

«Поездка в Сорренто оправда- лась. В Сорренто я познако- мился с человеком Алек- сеем Максимовичем Пешко- вым».

3. Огромное значение Горького — воспитателя, просветителя — Леонов не раз подчеркивал в разговорах, со- жалел о том, что их длитель- ная дружба была затем пре- рвана. «На первых порах, пока не вмешались злые люди, — заметил он в своем «Венке А. М. Горькому», — я сам испы- тал на себе вдохновительные чары горьковской дружбы...»

«Как же случилась размолвка?

ты подобраны красиво, хорошо, но мне мало. Чехов — удивительный талант, его художественный мир вбирает многие оттенки видимого спектра человеческих чувств. У Достоевского — всегда не только видимые глазом цвета, но и невидимые — инфракрасный и ультрафиолетовый. Он проникает в такие сферы, какие до него не были доступны литературе. Так глубоко в человеческую душу не проникал никто.

Как-то Л. Леонов рассуждал, что не слишком верит в женитьбу князя Нехлюдова, барича, балованного отпрыска знатного рода, на безвестной девчонке с сомнительным прошлым — Катюше Масловой. Здесь произошло как бы некое насилие великого проповедника над жизненным материалом. Читатель мог бы заставить Катюшу в уютном домике, какой купил бы ей Нехлюдов, с сиренькой в палисаднике, с канарейкой над окном и веселыми занавесками, где-то на окраинной улочке. Трогательны были бы и их встречи, когда князь раз в год при всех регалиях, на богатом выезде стал бы навещать туда. Этим актом «сословного раскаяния» он сладостно унижал бы себя, делаясь объектом социального любопытства всего бедного, пропахшего нищетой квартала. В то же время новые, невидимые глазу оттенки наложились бы на переживания ожидающей встречи с ним Катюши. Это боязнь дополнительно оскорбления, боязнь, что он отвернется — не в материальном смысле, а то, что он не пожелает ее...

«Но это к слову, — добавляет Леонов. — Это моя гипотеза «ультрафиолета» в душе князя, вовсе не учитываемая Толстым, но вытекающая из рисунка образа». Однако, продолжает писатель, абсолютно веришь, что Ставрогин, такой же Нехлюдов, но только более одухотворенный, «царевич», может жениться на хромоножке. Потому что в этой фантастической гипотезе схвачена самая суть характера героя, который подобным актом утверждал бы свое гордое смирение, свою победу над собой. «Вот они, ультрафиолетовые лучи!» — говорит Леонов.

Таким образом, высоко ценя изобразительную сторону литературы, Леонов ищет в произведении еще и «внутренний, скрытый рисунок жизни». «Рисунок в глубине, — уточнил он в частной беседе, — это и есть художественное мышление». Итог этих раздумий мы находим в статье 1969 года «Достоевский и Толстой».

Впрочем, отдавая дань гению Достоевского, Леонов не раз подчеркивал ряд принципиальных положений, разделяющих его и свой собственный материал творчества. Это тем более важно, что в литературоведении и критике сопоставительные характеристики этих двух писателей нередко носят поверхностный и даже вулгаризаторский оттенок.

Как обмолвился Леонов в беседе, к сожалению, воспроизводимой лишь по памяти, он всегда испытывал «дурную щемотку» от сопоставлений с Достоевским. Речь шла о том, что Достоевскому было «намного легче». В руках у него находился материал, лишь на первый взгляд — новый, в действительности — прочный, надежный, устоявшийся, уплотненный веками. А мы за что ни ухватимся — все необичайное. Как лава: и горит, и течет, и трудно определить состав молекулярных процессов. В «Воре» есть такая фраза: «Да, страшен путь за перевал». «Там, — говорит Леонов, — другая почва, под ногами хрустит по-иному, не так ставится ступня, отличие всех ощущений, и отсюда, — продолжает писатель, — возможно, будет понятно и мое косноязычие по поводу некоторых философских вопросов.

Потому что какие-то основополагающие физические тезисы в действительности за перевалом очерчиваются уже совсем по-иному. И об этом, — предупреждает он, — будет кое-что в новом романе...»

6. В апреле 1984 года писатель работал над заметкой, посвященной гениальному «Слову о полку Игореве». Как сказал сам Леонов, «я воспользовался этой оказией, чтобы высказать впечатление о роли литературы. Это плач. Это не рапорт, не фейерверк, которых порой требуют от литературы. Это плач, вдохновляющий нас в течение многих столетий на подвиг, на патриотизм. Литература подлинная, — продолжал он, — идет от проникновения в судьбу народа, в горе народа и там ищет источник для его одоления».

Стремление уточнить роль литературы в современном мире, в соотношении классики и современности занимает помыслы Л. Леонова. Сегодня литература, по его словам, приобретает громадную ответственность в связи с кризисным состоянием мира и должна говорить о самом насущном. Она располагает средствами, выделяющими ее в сравнении с другими видами искусства. Это и особая фантазия, и провидение, каким должен обладать хороший автор. В великих походах литература выполняет роль разведчика, первым преодолевающего неведомые пространства: «Куда мы идем? И что там, за краем пропасти?»...

7. Предельная ответственность Леонова-художника начинается с требовательности к себе, к своему новому произведению. «Каждый день, — обмолвился он, — вскакиваешь ночью, мучает необходимость продолжать неоконченную работу. Без куска, который лежит на столе, можно вроде бы и обойтись. Но он открывает новую дверь, взгляд на простор, которого никто не видел...»

Но, требовательный к себе, Леонов с такой же мерой бескомпромиссной, взыскательности относится к литературе современной.

«Кресло Толстого стоит пустое!» — сказал он в своем «Слове о Толстом». И в этом аксиоматическом утверждении — глубокая забота о завтрашнем дне нашей литературы.

8. В непрестанной смене масштабов леоновская мысль восходила от частных вопросов к самым широким, всеохватным проблемам.

События, возвестившие о новой эре в истории человечества, составили предмет внимательнейшего исследования Леонова. «Октябрьская революция, — как заметил он в частной беседе, — может быть, гораздо крупнее, чем то, как воспринимают ее сегодня. Грандиозный подземный толчок, изменивший генетическую судьбу человека и человечества». Громадность этих взрывчатых преобразований, по его словам, уходит в глубину столетиями устоявшихся, сложившихся, спекшихся человеческих пород.

В тридцать шестом году, вспоминал Леонид Максимович, в Россию приехал Эрскин Колдуэлл. Его жена спросила: «Как вы объясните то, что произошло у вас в стране?» Леонов ответил: «Плуг прошел и перевернул все — то, что было снаружи, легло внутри. Я, потомок крестьян, — писатель, художник, а сын помещика — пастух...»

И ему вспомнилась такая история.

«В двадцать пятом — двадцать шестом году, — рассказывал Леонид Максимович, —

я работал над «Вором». Очень устал, нерваная экзема, которая прошла через неделю после окончания романа...»

Поехал на родину матери — в деревню Ескино Ярославской губернии Любшинского уезда. Бродил по лесу. Там, кстати, и протекает Маленькая река Соть, имя которой я дал потом роману. В деревне еще стоял громадный дом, построенный моим прапрадедом по материнской линии. Между прочим, академик Кольцов (имя которого носит теперь институт биологии развития) составил мою родословную. Сравнительно рано мои предки откупились от крепостного права, а одна из прабабок была даже доцентом в университете. Прапрадед возил дичь в Москву. Есть его портрет, написанный маслом. Про него-то и рассказала мне в деревне 86-летняя старуха. И в ее рассказе видно, как легенда рождается из бытовых вещей...

Старик-прапрадед — Дорофей Петров, еще будучи крепостным, шел лесом и нашел отбившегося медвежонка. Понес в деревню. Случилось, ехал помещик, мелкий — они у нас почти все были мелкие — в гости к хозяину моего прапрадеда. Увидел медвежонка и просит: «Продай!» «Зачем, — отвечает Дорофей, — я тебе и так подарю...» Помещик приезжает к Лукину (так звали хозяина). Тот спрашивает: «Откуда медвежонок?» — «Да твой подарил». — «Кто?» — «Такой-то». — «Как! Мне не отдай! В рогатину его!» А рогатина — хомут с распорками. Ни сесть, ни лечь нельзя.

И вот дальше, — продолжал Леонид Максимович, — начинается легенда. Якобы ночью старик пришел к кузнецу: «Раскуй меня под честное слово!» Тот его расковал, поверил. Старик пошел в лес, нашел барину другого медвежонка, схватил и принес его. Кузнец его снова заковал, и утром старик явился к Лукину с подарком. Помещик расплакался: «Как я тебя обидел! Тебя, старика, заковать в рогатку! Какой же я...»

И продолжение этой истории-легенды дальше. «Когда я, — рассказывал Леонов, — бродил по лесу, наткнулся на стадо. Пастух сидит. Где-то у меня была его фотография. Я предложил ему закурить, достал папиросы. Он стеснялся: «Барские, не по мне». Я говорю: «Кури», — дарю всю пачку. Разговорились, кстати, о медведях. Он рассказал о приметах: человека не тронет, но женщину беременную непременно развратит. Я спросил: «Где вы живете?» — «Деревня Лукино». — «А фамилия как?» — «Лукин». Гляжу — нос с горбинкой, породе. От дворянства кровь перешла на крестьянство. Небольшатые помещики плодились, смешивались с крестьянами, и вся деревня стала Лукины, все — родня барину. И вот история все перевернула. Одно пошло вниз, а другое — наверх...»

Смысл всего сказанного выше уместается, быть может, в одной фразе, оброненной Леоновым:

«Что бы ни случилось, тот, завтрашний мир будет абсолютно не похож на нынешний...»

И еще одно напоминание: «Некая новизна стучится в ворота. И если ей не открыть дверь, она взорвет стены...»

9. Еще раз повторю слова о приблизительности записей. Это лишь тень от облака, бегущая по земле. Но, пожалуй, закончить эти фрагменты разговоров с Леонидом Леоновым следует фразой, которой они открывались:

«Чернила стоят столько же, сколько кровь мученика...»